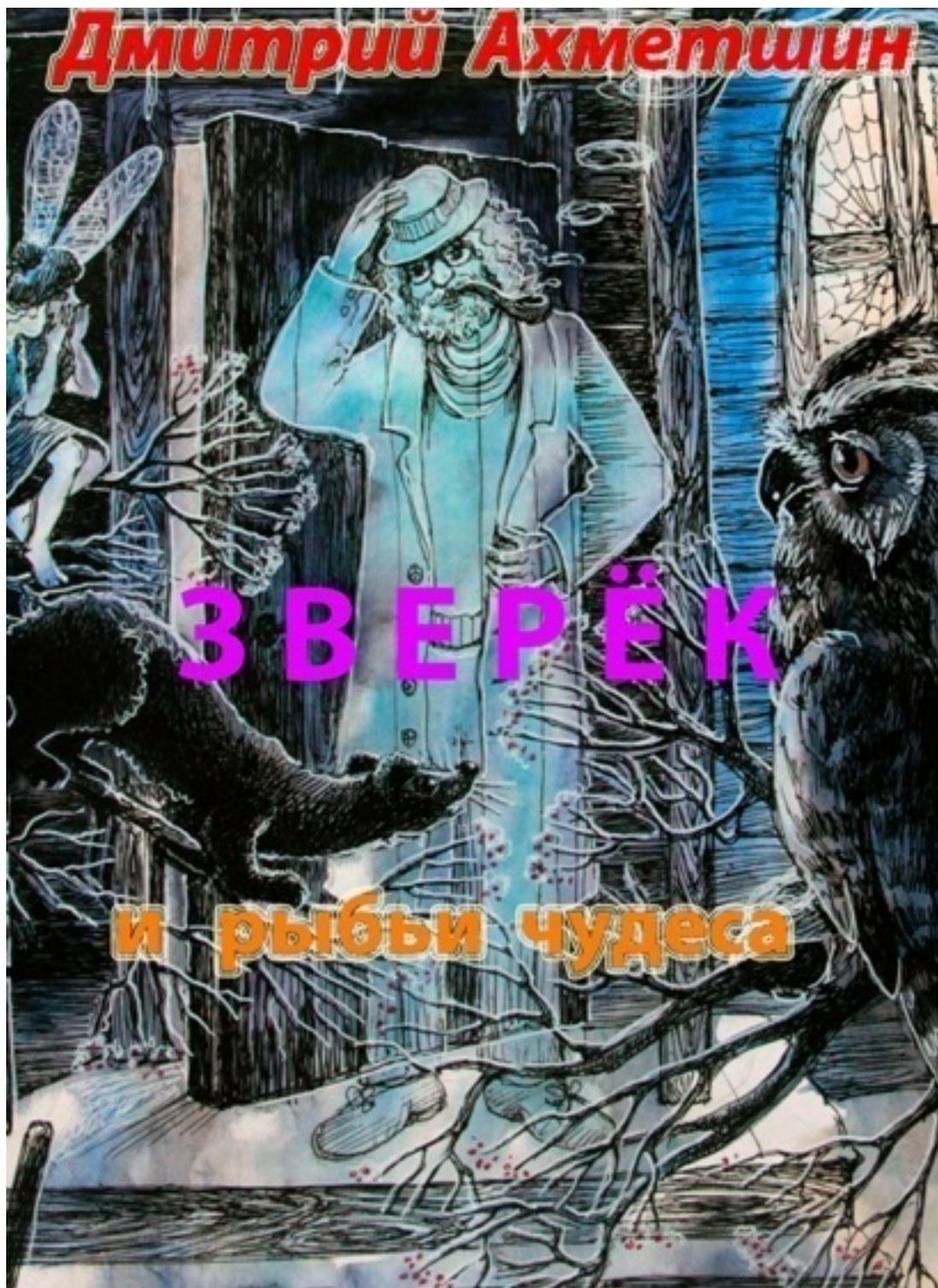

Дмитрий Ахметшин

З В Е Р Ё К

и рыбы чудеса

Дмитрий Ахметшин
Зверёк и рыбы чудеса

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Ахметшин Д.

Зверёк и рыбы чудеса / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат»,
2012

В одной норе - печной трубе старого заброшенного дома - зимой проснулся зверёк неизвестной породы. Спросонья он не помнит кто он такой и как его зовут. В лесу Зверёк (так его прозвали обитатели леса) находит себе друзей - филина по имени Ух, бельчонка Шкрябла, малышку Ксю, а также призрачного мужчину и его сыновей Йена и Томми. Со Зверьком и его друзьями случаются удивительные приключения, которые и описаны в сказке. Сказка иллюстрирована красивыми картинками самарской художницы Марии Пешковой.

Глава первая. О том, как однажды посреди зимы проснулся Зверёк

В одной норе проснулся зверёк. Проснулся он ни с того ни с сего: может, решил поиграть на своей паутине, как на арфе паучок, может, в норку залетел любопытный запах. Он просто сообразил сквозь сон, что проснулся и что больше уже сегодня не заснёт.

«Если проснулся, значит уже пора вставать», – так рассудил зверёк.

Норка у него пахла табаком и жжёными спичками. Не то чтобы зверёк любил курить или у него была трубка, просто так получилось. Зато здесь было тепло, а непогода бушевала где-то вверху. Здесь была тёплая постелька из птичьего пуха, и отпечаток там остался, как будто лежала большая улитка. Никакой улитки там, конечно, не было, просто зверёк любил спать, свернувшись клубочком, так что становился похож на пушистую каракатицу.

Он с удовольствием понюхал висящий на стене корешок. Корешок всё ещё хранил запах свежей рыхлой земли и немного – зелёного горошка. Для зверька он – словно картина: можно любоваться. Только у зверька зрение не очень, поэтому он предпочитает принюхиваться.

Норка эта квадратная, а выход, кроме всего прочего, у неё находится прямо над головой. Зверёк выгнул спинку, потом потянулся, цепляясь лапками за стенки, и неожиданно пробил мордочкой потолок.

Потолок оказался из снега, рыхлого и пушистого. Зверёк зафыркал. Раньше он никогда не видел снега, только много о нём слышал от других зверей. Снег показался ему слишком мокрым, слишком холодным, но довольно весёлым.

Зверёк решил, что с ним можно иметь дело.

«Вот это я проснулся! – подумал он. – Кажется, немножко раньше, чем следовало».

Жил он в старой печной трубе на покинутом доме и если бы знал, что она нужна не для того, чтобы строить там норки и вить гнёзда, то очень бы удивился.

Зверёк выбрался наружу (отчего его шкурка вся покрылась снегом) и огляделся. Была ночь. С неба отваливались и падали звёзды. Касаясь носа зверька, они таяли и превращались в воду.

«Так вот что на самом деле такое звёзды», – подумал зверёк и сунул в рот коготь.

Пробуждение сулило много открытий.

Но первое открытие, которое он должен был для себя сделать: кто он такой и что происходит?

Раз он проснулся, значит, должен был заснуть. Зверёк грыз коготь: он ничего не помнил. Так бывает и с вами, я уверен, тоже. Вы просыпаетесь и ничего не помните и, только увидев маму, вспоминаете, что вы дома. Или в гостях у бабушки, если видите бабушку.

Зверёк же не увидел ни мамы, ни бабушки, поэтому ничего не вспомнил.

А ночь уже вот-вот грозила превратиться в рассвет. Снега вокруг – великое множество! Нигде нельзя было увидеть землю, восхитительную землю с её бесконечными букашками и тихой музыкой травы. Зато были ёлки, тихо и печально стояли они вокруг, будто веретена, с которых раскручивались прозрачные нити ночи. Зверёк покатался немного на хвосте по крыше, а потом свалился в сугроб и выбрался только потому, что когда-то папа учил его плавать. Не удивляйтесь: для такого маленького зверька, как наш, сугробы – как застывшие волны.

Зверьку было уже четыре года, но ни разу ещё он не просыпался зимой. Каждую осень он забирался в свою норку, в никому не нужную печную трубу, а просыпался поздней весной.

Он проплыл вокруг ближайшего дерева, вспоминая, умеет ли он лазать по деревьям. Оказалось, что умеет и очень хорошо. А дерево оказалось дубом. Хотя вокруг было полно ёлочек, снежные волны понесли зверька, как лёгкое судёнышко в шторм, именно к дубу – к большой скале среди бушующего снежного моря.

Зверёк забрался наверх и обнаружил, что нет ни одного листика и даже ни одного жёлудя, чтобы подкрепиться. Это очень его расстроило. Зато он нашёл укутанную с лап до головы в перья фигуру, которая оказалась филином.

– Привет, – сказал зверёк и перепрыгнул на ветку, где сидел филин. Только теперь он обнаружил, что филин висит на суку кверху ногами, похожий на большое осиное гнездо, и с этой стороны ветки только его толстые пальцы с сильными когтями. – Почему ты висишь кверху тормашками?

– Ух, – сказал филин.

– Ух? – повторил зверёк.

– Ух. Не мешай мне. Я играю в летучую мышь.

Филины на самом деле очень игривые и весёлые птицы. Только вот их игр никто не понимает.

Зверёк повертелся на суку, думая: прервать ему игру филина или он её уже прервал. Так ни до чего не додумавшись, спросил:

– Ты знаешь, кто я?

– Ух, – сказал филин и посмотрел вниз – на постепенно светлеющее небо. – Пора спать.

– А я только проснулся.

– Что? – спросил филин. – Я немного глуховат.

Уши его поросли густым пухом, а глаза и клюв напоминали три чёрных, блестящих камешка.

– Ты знаешь, кто я такой? – повторил зверёк громче.

Филин помедлил, разглядывая его своими глазами-камешками (когда он вращал головой, они гулко стучались где-то за клювом), а потом сердито и немного смущённо сказал:

– Я немного слеповат. Особенно сейчас, когда пора спать. Наверно, ты белка.

Кажется, он немного рассердился, что кто-то прерывает его игру. Впрочем, филины всегда выглядят и говорят так, как будто сердиты на весь белый свет. На самом деле они незлобивые существа и очень любят шутки. Хотя представление о шутках у них не совсем обычное.

Филин распахнул крылья, сделавшись вдруг раза в три больше, взмахнул ими, вызвав вокруг настоящий снегопад, и вернул себя в нормальное положение. «Ухожуспать, ухожуспать, ухожуспать, – бормотал он себе под нос. – Ух».

– А что делают белки? – заинтересовался зверёк.

Ему захотелось сунуть в рот палец – палец на задней лапке – но он решил не делать этого. Может, филин посчитает это неприличным.

– Ух. Чаще всего задают глупые вопросы.

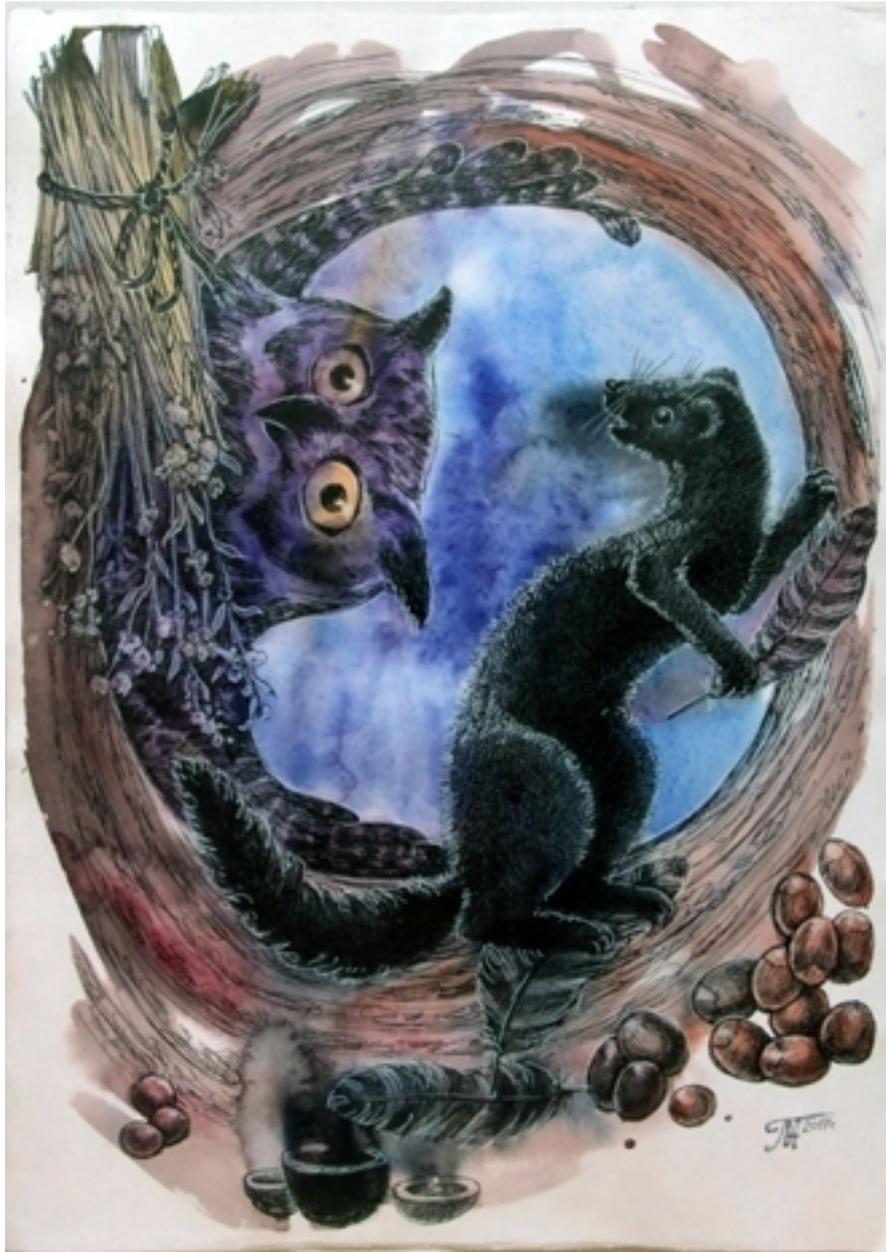
– У меня глупые вопросы?

Филин задумался.

– На мой взгляд, вполне разумные. Посмотри-ка вон там, в дупле.

– А чьё это дупло?

– Моё. Дупла – это зеркала для белок, – сказал он и довольно заухал своей шутке. – Любые дупла. Оказавшись в дупле, белка тут же вспомнит себя.

Зверёк заглянул внутрь дерева. Там довольно уютно: из мышинных хвостиков устроен гамак, прямо в стене выдолблен стол. В специальных нишах запасы желудей и каких-то травок. В скорлупки от орехов сложена темнота, похожая на лоскуты ночного неба. Наверное, филин укутывается в неё, когда в дупло начинает заглядывать солнышко. Из угла поблёскивает стёклышко от очков, а под ногами – мудрёные древесные письма в виде колец, одно в другом, и в другом – ещё кольцо. Дерево, особенно такое скрупулёзное, как дуб, ведёт свои записи из века в век, описывая, что нащупало оно корнями в почве, кто в нём поселился и привольно ли дышится листьям. Наверное, на досуге филин пытается их расшифровать, вглядываясь через стёклышко от очков в эти записки.

– Ну как? – спросил филин.

Зверёк попробовал свернуться клубком в гамаке. Понюхал темноту, подобрал несколько перьев, которые филин вставлял себе в крылья перед вылетом, чтобы лететь дальше и махать крыльями пореже, и вновь рассыпал их по полу.

– Ничего не пойму. Но у тебя очень уютно.

Филин заглянул в дупло, чтобы проверить, ничего ли не пропало.

– Спасибо. Значит, ты не белка. Был бы ты белкой, ты бы нашёл, что там стащить. Белки ужасно вороваты. Ух, ух. Тебе стоит посетить Талисмана. Я прилетел не так давно, а он живёт здесь уже не одну зиму и очень много знает. Он живёт на старой ёлке к востоку отсюда.

– А как тебя зовут?

– Ух.

– Ух?

– Ух. Я твержу тебе об этом всю ночь, но ты настолько невнимателен, что не замечаешь, – филин строго посмотрел на зверька, но потом смягчился и довольно зауhal: – Это довольно весёлая игра с новыми знакомыми – считать, за сколько ухов они отгадают моё имя. Ты отгадал за девять. Это очень хороший результат.

– А я, – сказал зверёк торжественно, – обязательно вернусь и скажу тебе, как меня зовут, как только вспомню.

Они тепло распрощались, и зверёк поплыл дальше – мимо дома, на крыше которого располагалась труба, в сторону рассвета.

Талисмана он вспомнил сразу же, как только увидел. Оказывается, они были уже знакомы.

В Лесу рассказывали, что давным-давно, когда не только зверька, но и его папы ещё не было на свете, Талисмана принесли и повесили на нижнюю ветку старой ёлки люди. С тех пор он там и висит, вечно бодрствующий, «вечный летописец» (как сам он себя называет) «этого скучного места в этом скучном времени». Зверёк не понимал, что всё это значит, но звучало до ужаса интересно.

– Я бы сказал тебе, если бы ты сам хоть раз сказал мне, кто ты такой.

– Я никогда над этим не задумывался, – признался зверёк.

Он укутался в хвое на нижней еловой ветке и выставил наружу только нос и уши. К утру воздух немного посвежел, и стало прохладно. Даже для густого подшёрстка.

Талисман не мёрз даже в самый жуткий мороз. Это всего-навсего кусочек выделанной кожи, на котором намалёваны большие выразительные глаза (один синий, другой зелёный) и улыбающийся рот, а вниз спускались две кисточки из конского волоса, заплетённые в косички. Ко рту был приделан настоящий волчий коготь, так, что казалось, будто из-под верхней губы тотема выглядывал единственный клык. Что и говорить, для тех, кто не знал о его добром (точнее, снисходительном) нраве и о мудрости, он казался весьма пугающим.

– Любое существо можно отличить по следам, – изрёк Талисман.

Он никогда не говорил ничего просто так, но всегда что-то изрекал.

– По следам? – удивился зверёк. – А что такое следы?

– Это отпечатки твоих лапок, которые остаются, когда ты ходишь по снегу. У каждого, кто может бегать, прыгать или шагать, они свои. Так мы сможем установить твой подвид.

– Подвид?

– Я вот, например, Талисман из подвида тотемов.

– Но я умею только плавать! Мои следы выглядят так, как будто кто-то плыл по снегу на лодке. Может, я на самом деле кораблик?

Талисман повернулся вокруг своей оси (всё время казалось, что его поворачивает ветер, хотя на самом деле Талисман управляет ветром, указывая, куда ему дуть), что значило, что он в раздумьях.

– Нет, к лодкам ты не имеешь никакого отношения. Просто ты слишком тяжёлый, а снег слишком рыхлый. Вчера был большой снегопад. Очень большой.

«Так вот, значит, что такое снег! – подумал зверёк. – Это то, что откуда-то падает. Наверняка это те падающие звёзды, которые я видел, когда проснулся. Если так, то сколько же тогда на небе звёзд было до вчерашнего дня!»

Он не хотел спрашивать у Талисмана и показывать тем самым свою глупость. Он был горд, что догадался обо всём сам.

– Что же, если следы не получаются сами собой, мы их нарисуем. Слезай по стволу на самый верх, там в заброшенном сорочьем гнезде есть краска. Я прошу иногда енота или бельчат меня подкрашивать... Принеси белую.

Зверёк принялся карабкаться по стволу, цепляясь коготками за выступы на коре. Лезть по старой ёлке было забавно: иголки щекотали и приятно массируют его шкурку. Талисман остался где-то внизу. Он висел на этой ёлке очень давно, и все, кто его знал, называли её «Ёлка Талисмана», или «Талисманова Ёлка», и водили вокруг неё во время праздников хороводы. «Жалко, что теперь хороводов не будет», – с грустью подумал зверёк. По снегу хороводы не больно-то поводишь. Особенно когда у тебя такие короткие лапки.

Наконец он добрался до старого сорочьего гнезда почти у самой верхушки. Оно замаскировано сверху хвоей и старыми шишками, чтобы какая-нибудь пролётная кукушка не попыталась подкинуть туда свои яйца.

Устроившись на ветке передохнуть, зверёк огляделся и увидел, что вокруг невероятно красиво. Деревья, насколько хватало глаз, стояли укутанные в белые шали. Дом с трубой выглядел очень смешно. Вы непременно заметили бы, что он похож на пончик, на который кондитер вытряхнул слишком много сахарной пудры, но Зверёк не знал, что такое пончик. Он подумал, что дом теперь напоминает большой белый воздушный шарик. Просто удивительно, что он имел представление о воздушных шариках. Наверное, они не раз улетали из рук какого-нибудь рассеянного ребёнка в одном из окрестных городов, и ветер заносил эти смешные гладкие облачка в глухомань вроде той, о которой у нас идёт речь.

В гнезде зверёк нашёл несколько тюбиков краски и спустился вниз, осторожно держа в зубах тюбик с белой краской.

– Теперь мы будем рисовать, – провозгласил Талисман так, как будто они были на сцене, а на зрительских местах сидели зрители. Подул ветер, и ёлки захлопали ветвями, что и правда немного походило на аплодисменты. – Измажь правую лапу в краске... так... теперь приложи её к стволу. Вот здесь, рядом со мной, кора поровнее.

Зверёк сделал, как было велено. Остался аккуратный белый отпечаток, и тотем, повернувшись к нему «лицом», торжественно сказал:

– Ты – из семейства куньих.

– Что же мне делать? – расстроился зверёк.

– Хмм. Скажи мне, где твой ареал обитания.

– Я боюсь орлов, – сказал зверёк и захныкал. Весть, что у него, оказывается, есть семейство и теперь оно всё потерялось, изрядно его расстроила.

– Где ты живёшь?

– В печной трубе.

– Вот это поворот! Никогда не слышал о куньих, которые живут в печных трубах. Может, ты саламандра?

Ёлки заплодировали ещё громче. Мимо зверька и Талисмана пролетел солидный ком снега.

– Саламандра?

– Именно так. Вообще-то саламандры целиком состоят из огня и живут на солнце, в жерлах вулканов, а иногда в печках. И раз ты живёшь в печной трубе, значит, ты тоже саламандра. Посмотри на себя! Ты же весь в саже. Нет, ты точно саламандра.

Зверёк повертелся на месте, чтобы разглядеть свой хвост. Он и вправду оказался таким чёрным, что на снегу смотрелся, как проталина.

– Скажи хотя бы, как меня зовут, мудрый Талисман. Я совсем ничего не помню. Я так хорошо спал, что думаю, будто всё это до сих пор мне снится.

– Ну нет, – сказал Талисман и засмеялся. – Я тебе точно не снюсь. Мы все называли тебя просто зверьком, потому что твоих маму и папу никто не видел, чтобы спросить, как они тебя назвали. Может быть, ты и правда родился из огня.

Зверьку взгрустнулось. Не может быть, чтобы у него не было мамы и папы, хотя сам он их тоже совсем-совсем не помнил.

– Почему я проснулся так рано? – спросил он у Талисмана. – Все звери ещё спят, и сейчас даже не с кем поиграть.

– Я видел тебя осенью. Ты был какой-то весь сосредоточенный. Такой, что даже топорщились усы. Сказал, что у тебя есть одна идейка, но тебе надо укладываться в зимнюю спячку. Я ещё подумал спросить, когда ты проснёшься: индейка у тебя есть или индианка?

От волнения Зверёк (теперь мы можем называть его вот так – с большой буквы. Ведь Зверёк – это тоже имя, такое же, как твоё, читатель) заскреб коготками по дереву.

– Я, кажется, припоминаю. Я лёг спать с каким-то делом. Ведь когда у тебя есть дело, тебе так плохо спится! А что было до этого?

Зверёк посмотрел на своего друга, а потом сказал в сердцах:

– Ничего не помню!

– Сходи к ручейному холму. Тогда, по осени, ты возвращался как раз оттуда. Может быть, там ты всё вспомнишь.

– Это хорошая мысль! – обрадовался Зверёк и стал собираться в дорогу.

До холма плыть довольно далеко, поэтому он попросил разрешения взять на время сорочье гнездо в качестве лодки.

– Только не растеряй краски, – строго сказал Талисман.

Зверёк наломал еловых веточек, таких, которые больше других подходили на роль вёсел, и отправился за гнездом. Дорогой он придумал игру в тонущий корабль, на котором он был одновременно и капитаном, и юнгой.

– Флюпки на воду! – зажав веточки в зубах, командовал он, и сам же откликался:

– Ефть, капифан!

И волок свою «шлюпку» с одной ветки на другую до тех пор, пока не сбросил её на снег. Зверёк спрыгнул в неё и погрёб в сторону ручейного холма.

Он плыл как будто по подземному царству. Всё вокруг выглядело таким незнакомым. Ночные птицы молчали, букашки-таракашки спали, укрывшись снежным одеялом. Вот здесь, между двух сосёнок-близнецов, жило семейство мышей, которых звали Тяп-Тяпами. Всех вместе, потому что лесные жители всё время путались, сколько же мышей там живёт, сколько братьев у мыши-папы, сестёр у мыши-мамы и сколько у них, всех вместе, мышат. Сейчас они, наверное, все ворочаются в своих пуховых постельках, и снится им тёплый летний денёк, один на всех.

А вон там, на лужайке, рос папоротник, и по ночам там танцевали и подмигивали друг другу светлячки. За ними так интересно наблюдать. Как за звёздным небом. Теперь же из-за снега ничего не разглядеть.

Мир опустел без друзей и знакомых, и пригорюниться Зверьку не давала только необходимость постоянно грести. Чтобы забраться на холм, приходилось даже подгрести хвостом. Когда Зверёк оказался на верхушке, он уже выбился из сил. Ручьи на холме все замёрзли, и без их звона кругом стояла дремучая тишина.

Где-то здесь, под кустом смородины, живёт крошечная Кся. Это не просто кся, из тех, что населяют затерявшиеся в лесу полянки, что живут под корнями пеньков или на листьях на дереве, что разбегаются от вас прочь, когда вы ворошите груды опавших жёлтых листьев. Это кся, которая живёт в несуществующей вещи.

Несуществующую вещь Зверёк хранил прямо здесь, в зарослях смородины. Все его знакомцы знали о ней, и все удивлялись: «Что за нелепица! Для чего же она годна?» – но самому Зверьку несуществующая вещь очень нравилась. Тем более что в ней жила настоящая кся.

Конечно, кустов смородины сейчас не было видно, а был снежный сугроб. Зверёк взял весло и стряхнул снег с голых ветвей. Потом осторожно плюхнулся в снег и начал копать, поднимая настоящие облака снежной пыли.

Несуществующая вещь была на месте. Это довольно большой шар, сплетённый из гибких веточек, внутри которого бултыхались бутоны засохших цветов и ореховая скорлупа. Зверёк осторожно отряхнул с неё снег и постучал по шару коготками.

Кся проснулась мгновенно и просунула голову между веточек.

– О! Ты всё-таки пришёл.

Кся, хоть и была спросонья, но вспомнила всё сразу, как только увидела Зверька. Потому что у неё был папа. Зверёк и был её папой. Это он её придумал как-то летом, когда еды было вдоволь и делать было совершенно нечего. Он подумал: «Почти во всём, что можно найти в лесу, живёт по ксе. Что, если я придумаю что-нибудь необычное и выращу там свою ксю? Такую, которой нет больше нигде?» И сплёл этот шар с бутонами и ореховыми скорлупками. Но это отдельная история с совсем другими приключениями, и мы расскажем её как-нибудь в другой раз.

Кся была маленьким существом с широко расставленными большими круглыми глазами, с тщедушным тельцем, закутанным в стрекозиные крылья, и волосами, которые доставали ей до пяток.

Она скакала по сугробам, оставляя крошечные следы, и кричала:

– Ой, как здесь холодно!

Кся весила очень мало и поэтому не проваливалась в снег, как Зверёк. Она могла ходить даже по воде, если та никуда не текла.

А в следующий миг уже сидела на спине Зверька, свесив ножки, и раздумывала:

– Где бы нам достать еды? Как ты думаешь, этот снег можно есть? Он очень похож на цветочную пыльцу.

Сколько Зверёк ни вертел головой, он успевал заметить только её пятку или развевающиеся волосы, или выставленный локоток, или кончик носа. Она всё время ускользала и каждую следующую секунду занималась чем-нибудь новым.

– Я проснулся среди зимы, представляешь? – наконец спросил он, обращаясь к смородиновому кусту. И кся тут же появилась среди его веток. – Ни с того, ни с сего. Просто взял и проснулся. Талисман говорит, что у меня была какая-то сумасшедшая идея, но я не могу её вспомнить.

– Бедный Зверёк! Ничего не помнит.

Она залилась смехом, звонким, как треньканье колокольчика. А потом сказала:

– Мы с тобой сидели на берегу ручья – вот прямо там! – думали, как скучно летом и мечтали вдруг проснуться среди зимы. И вот мы здесь.

И тут Зверёк вспомнил. Как всё просто! Они всего лишь хотели посмотреть на зиму. Ведь когда вокруг все засыпают, играть куда интереснее. Это известно всем, даже самым маленьким детям.

– Ты говорил, что зимой, как ночью, всё время темно и будет очень интересно играть в прятки, а я говорила, что она должна быть невероятно красивой, так что нам будет не до прятков.

Зверёк сам уже вспомнил всё до мельчайших подробностей и ужаснулся:

– И что же, мы до самой весны не увидим солнышка?

– Не беспокойся! – Кся взлетела на самый верх смородинного куста, где ещё оставалась снежная шапка и заплясала на самой её верхушке, будто на облаке. – Смотри, вон оно уже восходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.